

Весці

БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАўНАГА ПЕДАГАГІЧНАГА УНІВЕРСІТЭТА

№ 4 (18) 1998

Штоквартальны навукова-метадычны часопіс
Выдаецца з чэрвеня 1994 г.

З М Е С Т

Галоўны рэдактар:
Л. Н. Ціханаў

Педагогіка

Вадзінскі Д. І. Педагогічная тэхніка і
тэхналогія навучання 3

Рэдакцыйная калегія:

Іваноў Ю. А. Вынікі эксперыментальнай работы
па выхаванню мыслення ў вучняў 7

Н. Г. Алоўнікава

Міцкевіч М. І. Дыдактычныя асновы
непарыўнай адукацыі (метадалогія) 12

Г. А. Баўтута

В. А. Бондар

Старжынская Н. С. Фарміраванне ў старэйшых
дашкольнікаў уяўленняў аб уласных імёнах 15

(нам. галоўнага

рэдактара)

А. М. Вітчанка

Буднікаў Я. Р. Функцыя як паняцце школьнай
матэматыкі 20

К. У. Гаўрылавец

А. А. Гіруцкі

Ефімчык А. А. Метады ўвядзення паняццяў у
працэсе навучання матэматыцы 24

А. А. Грымаць

Т. А. Грыгор'ева

Забайская І. І., Саўчанка Н. В. Да праблемы вы-
кладання курса «Асновы педагогічнага майстэрства» 27

І. І. Казімірская

Я. Л. Каламінскі

Сілігон В. А. Пачуццё гармоніі — агульная
здольнасць да выяўленчай дзейнасці 30

Л. А. Кандыбовіч

Дэфекталогія

Г. А. Космач

Т. Е. Лемешава

Гладуша В. У. Дыягностыка падрыхтаванасці да
бытавых працы вучняў малодшых класаў школ-
інтэрнатаў 36

(адказны сакратар)

М. І. Мішчанчук

Псіхалогія

І. А. Новік

М. М. Плескацэвіч

Бакуновіч М. Ф. Асаблівасці мэт вучэбнай
дзейнасці студэнтаў I курса 41

(нам. галоўнага

рэдактара)

А. У. Рагуля

Анапрэнка Я. Р. Карэляцыя акцэнтацый
характару і татуіровак у падлеткаў, схільных да
супрацьпраўных паводзін 45

М. Т. Стэльмашук

Мовазнаўства

В. М. Фамін

А. Т. Федарук

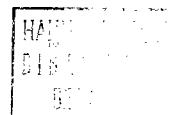
Саўко У. П. Праблема засваення нормаў
беларускай літаратурнай мовы пры вывучэнні
марфалогіі 52

Л. Б. Шнеперман

У. А. Якавенка

Бендетовіч Г. Б. Когнітывізм і прагматика в
современной лингвистике 57

М. С. Яўневіч

<i>Кудреватых И. П. Эстетическая функция поэтического текста</i>	64
--	----

Гісторыя

<i>Лукін В. С. Дзейнасць СМІ Беларусі ў ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі ў 20-я гады (на прыкладзе часопіса «Наш край»)</i>	70
<i>Апрушкевіч М. М. Гарадская выбарчая сістэма на Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст.</i>	75
<i>Карпавіч В. А. Кірмашы на Беларусі ў другой палове XIX ст.</i>	80
<i>Даніловіч В. В. Абвастрэнне палітычнага становішча ў Польшчы. Ліквідацыя арганізацыі «Змаганне»</i>	86
<i>Фядковіч Г. І. Гістарыяграфія Балгарскага этнасу ў Расіі (XIX—XX ст.)</i>	91
<i>Чыкалава І. Р. Жанчыны ў парламенце і кабінёце міністраў Вялікабрытаніі</i>	95
<i>Мігунова А. А. Нямецкая прапаганда сярод вясковага насельніцтва Генеральнага камандарыята Беларусь (ГКБ) у 1941-1944 гг.</i>	101

Матэматыка

<i>Кабак Г. І. Крытэрыі існавання матрыцы Грына кіравальнага сінгularнага інтэграл-дыферэнцыяльнага апарата</i>	107
<i>Мататава І. В. Аб рухомах асаблівых пунктах сістэмы двух дыферэнцыяльных раўнанняў з рацыянальнымі правымі часткамі</i>	109

Фізіка

<i>Зінчук С. Д., Пратасевіч І. М. Сінтэз камбінацыйных схем на дэмультиплексарах</i>	113
<i>Трафяцкі А. А. Аперацыі пераўтварэння</i>	116

Адрас рэдакцыі:

220809, Мінск,
вул. Савецкая 18,
какой 26
тэл. 20-41-26

<i>Рэцензія</i>	122
<i>Аб конкурсе навуковых студэнцкіх прац</i>	124
<i>У саветах па абароне дысертацый</i>	125

Рэдактар Н. І. Копысава

Арыгінал-макет: А. А. Пакала

Падпісана ў друк 23.12.98. Фармат 70×108 $\frac{1}{16}$. Папера афсетная. Афсетны друк.
Ум. друк. арк. 7,6. Ул.-выд. арк. 7,4. Тыраж 100 экз. Заказ **1235.**

Ратапрынт БДПУ імя М. Танка; 220809, г. Мінск, вул. Савецкая, 18.

© БДПУ імя Максіма Танка, 199.

7. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics. Sydney Acad. Press, 1991.
8. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Проблематика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 176-188.
9. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. М., 1988.

SUMMARY

The aim of this article is to analyze a new paradigm of the modern linguistics which is based on the integration of some different approaches such as generative grammar, cognitology etc. The main branch in the contemporary linguistics is the cognitive orientation of different language forms and a pragmatic approach. This aspect of language is closely related with two other sides: pragmatics and stylistics.

УДК 415.6

И. П. Кудреватых

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Любой текст, и художественный в том числе, организован по принципу системно-структурного, или системно-категориального, и функционального единства. Но именно в художественном тексте, призванном эстетически воздействовать на читателя, функциональный аспект (анализ стилистической системы языковых средств, участвующих в решении коммуникативных задач автора) оказывается первостепенным и охватывает все уровни языковой системы. «Функционирование языковых единиц — это процесс актуализации и взаимодействия в речи единиц классов и категорий той языковой системы, которой владеет каждый член данного языкового коллектива» [1, с. 39]. Реализация эстетической функции в художественном тексте — это сложный процесс взаимодействия творческого замысла (в соответствии с требованиями рода и жанра) с потенциальными возможностями языково-речевой системы, требующей учета не только синхронических новаций (в области развития жанра, словопотребления), но и анализа исследуемых явлений в диахроническом аспекте. В связи с этим необходимо разграничить такие понятия, как «функция» и «значение» грамматических единиц. Функция — «способ поведения, присущий какому-либо объекту и способствующий сохранению существования того объекта или той системы, в которую он входит в качестве элемента» [2]. Значение — это семан-

тический состав слова, «знаковое содержание формы, ее системно-значимое внутреннее свойство» [1, с. 31]. Говоря о функционировании языковых средств в художественном произведении, мы, вслед за А. В. Бондарко, выделяем два аспекта в понятии «функция»: потенциальный (способность той или иной единицы к реализации определенных целей) и целевой. Единонаправленность функционального воздействия языковых единиц в художественном тексте, находящая отражение в эмоционально-эстетической позиции реципиента, способного дать субъективную оценку ситуации, связана с «комплексной художественно-образной конкретизацией» (термин М. Н. Кожиной). «Это такое явление художественной речи, такой способ конкретизации, когда... система разнородных речевых средств выполняет одну и ту же стилистическую функцию: служит созданию и выражению какой-то одной образной черты или одного образа (микро-образа), оказывая через этот комплексный акцент (скрыто или явно) активизирующее воздействие на воображение читателя» [3].

Художественный текст обладает набором универсальных функционально-семантических и стилистических категорий, которые эксплицируют аспект структуры языка. Это категории времени, пространства, персонажа, источника информации, образа автора, образа читателя и другие. Связь интралингвистического и экстралингвистического в художественной речи, особенности взаимодействия лексико-семантического и синтаксического уровней в организации речевой структуры определяют стилистико-функциональные значения данных категорий.

В отличие от других видов литературы (научной, публицистической) художественное произведение по своим эстетическим достоинствам неисчерпаемо, и потому возможности интерпретации его смысловых пластов не ограничены. Еще В. В. Виноградов писал, что «самое трудное при изучении вопросов поэтической речи, вопросов стилистики, поэтики и языка художественной литературы — это переключение проблем образно-поэтической речи с ее специфическими качествами, проблем образов персонажа и рассказчика в идейный или идеологический план художественного произведения. Тут больше всего субъективного произвола и идеологических домыслов» [4]. Поэтому характеристикой художественного произведения будут следующие моменты: 1) качественная разнородность смысловых пластов, 2) диалогичность, 3) труд понимания, то есть полноценное восприятие только в результате повторного чтения [5]. Все языковые средства в поэтической речи, обеспечивающие индивидуальность выражения, эстетически мотивированы. Кроме того, апелляция к опыту читателя в большей или меньшей степени способствует адекватному толкованию художественного

произведения, так как основой поэтического текста является аллюзия, своего рода намек, «легкое прикосновение» к мысли писателя, представленной в зашифрованном виде. Единицы, совместно фигурирующие в тексте (коокуррентные единицы), приобретают стилистическую (дистрибуционную) значимость в масштабах всего текста, то есть начинает действовать «закон целостной совокупности» [6]. Именно коннотативные значения, возникающие только в результате наличия «поля соседей» (контекстуального окружения), обнаруживают свойство стилистической иррадиации. Эта иррадиация, или нестандартность значений, во многих случаях затрудняет процесс общения.

Поэтический текст (лирическое стихотворение) представляет собой гомогенный контекст с одной темой сообщения, эксплицированной ее денотативным ядром. Стилистический эффект достигается за счет столкновения значений и варьирования категориальных форм. Интерпретация смысла в каждом конкретном случае определяется степенью нейтрализации оппозиции грамматически противопоставленных конститuentов. «Обычно немаркированные (слабые) члены оппозиции имплицитно имеют значение сильных членов и иногда замещают их, причем такая замена стилистически значима» [7].

Поскольку в основе исследования лежит интерпретация смысла художественного текста (поэзии и прозы), в результате анализа выразительно-изобразительных возможностей языка, необходимо разграничить понятия «смысл» и «содержание», так как, по Г. В. Колшанскому, «построение текста обусловлено прежде всего закономерностями смысловых связей, логикой развития мысли, а не грамматическими формами» [8]. На это же указывает и А. И. Новиков: «Ведущими признаками текста становятся не грамматические показатели связности, а такие его свойства, как целостность, интегративность, завершенность, которые имеют... смысловой, содержательный характер, что определяет их как психологические, речевые, коммуникативные явления <...> формальные признаки не являются определяющими для текста» [9].

Речевой смысл и содержание текста — понятия не тождественные. Содержание — «это семантическое целое, элементами которого являются взаимодействующие речевые реализации лексических, лексико-грамматических... и грамматических значений, выраженных языковыми средствами данного высказывания» [1, с. 95]. Речевой смысл — это «значение, возникающее в момент осознания непосредственно не данного отношения между значениями сочетающихся элементов, которое позволяет воспринимать сочетание как предметно-целое и тем самым служит указанием на его возможный денотат. Причем А. И. Новиков разграничивает еще «речевой смысл» и «личностный смысл», который возникает «как результат интерпретации содержания текста,

осуществляющийся в мышлении... уже независимо от самого текста» [1].

Так как в статье рассматривается стилистическая сущность лирического стихотворения, имплицитная глубинную структуру языковой системы, мы будем употреблять понятие «речевой смысл» текста, и это правомерно прежде всего по отношению к поэтической речи.

В стихотворении В. Брюсова «Творчество» попытаемся проследить формирование речевого смысла путем соединения оппозиционных конститuentов в парадигматическом плане, но получающих приращение значения в синтагматической позиции. Стихотворение динамично, то есть отражает процесс творчества и его результат («тень несозданных созданий» — «тайны созданных созданий»). Но внешнее выражение динамики отсутствует. Настоящее время («тень колыхается»; «руки чертят»; «киоски вырастают»; «всходит месяц»; «звуки реют, ластятся»; «тайны ластятся»; «трепещет тень»), с одной стороны, создает впечатление статики, но с другой — содержит оценочную экспрессию, так как глаголы в стихотворении метафоричны (прямое и переносное значения контаминируются: «чертят звуки»; «вырастают, словно блески», «реют полусонно» и т.д.). Еще А. М. Пешковский подчеркивал, что «глаголы — это «живые слова», оживляющие все, к чему они прилагаются» [10]. Являясь в данном стихотворении предикатом, глаголы вовлекают в процесс метафоризации связанные с ними слова, указывающие на прогрессию: сначала только «тень созданий», затем «руки... чертят звуки», «киоски вырастают» и в результате — «тайны... созданий ластятся».

Определим степень когерентности стихотворения, проанализировав средства связи. Прежде всего необходимо отметить четкую ритмизованность текстовой структуры. Логико-семантическая когезия подтверждается высокой степенью контекстуальной эквивалентности (тень — тайны), синтаксическим повтором (последняя строка каждой предыдущей строфы повторяется в следующей строфе), полным параллелизмом синтаксических структур (за небольшим исключением). В результате повторения синтаксических структур возникает избыточность информации — стилистическое средство, являющееся условием выражения подтекста.

Все стихотворение представляет собой как бы ряд однородных синтаксических построений, содержащих сему творчества. Эта синтаксическая однородность детерминирует лексическую близость компонентов, объединенных общим содержанием (тайны созданий — результат творческого процесса) и определяет стилистическую маркированность структурно однотипных перечислительных конструкций, возникающую в результате указанных средств связи (ритмическая организация, грамматико-синтаксический параллелизм,

лексический повтор). Одним словом, «актуализируются те оттенки смысловой структуры, которые в той или иной мере выражают общий инвариант, способствуя связности текста и структурной выделенности и замкнутости отрезков высказывания» [11, с. 116].

Лирический герой в стихотворении не персонифицирован и никак не охарактеризован в социально-психологическом отношении, хотя в четвертой и пятой строках бегло представлен субъект («звуки ластятся ко мне»), но пассивный. Тем самым актуализируется оценочный смысл, вытекающий из фактического смысла: творчество — та сила, которая дает вдохновение, желания. Название стихотворения становится доминантой БИ, аккумулирующей смысл всего текста и проецирующей его семантико-синтаксическую и стилистическую когерентность.

Стиховая организация, замечает В. В. Кожин, «предстает не как насилие над речью, а как обнаружение ее скрытых потенций к гармоничной стройности». И далее: «Подлинная стихотворная речь осознается нами как таковая не тогда, когда мы просто видим текст, поделенный на приблизительно равные мерные строки, оканчивающиеся рифмами, но лишь после установления относительного совершенства этой речи, в которой должно быть преодолено сопротивление языкового материала; иначе мы говорим, что это не стихи, а искаленная проза» [12].

Контекст стихотворения сам по себе стилистически нейтрален, однако в условиях синтаксического повторения определенных структур, совместной встречаемости стилистически окрашенного слова со стилистически нейтральным слова приобретают свойства доминирующего экспрессивного элемента («чертят звуки», «тайны ластятся», «трепещет тень» и т.д.). Стилистической пометой данного стихотворения является тавтология («несозданные создания», «звонко-звучная тишина», «с лаской ластятся»), выступающая своего рода гравитацией речевого смысла.

Поскольку в большинстве случаев лирическое стихотворение представляет один БИ, гомогенное «экспрессивное «полюсное поле» (термин В.В.Кожина), выделение доминирующей структуры при отсутствии названия затруднительно, так как поэтическому тексту, в основном, присущи «разрывы» логико-семантической и синтаксической когезии, что обусловлено наличием подтекста как лингвистической категории, являющегося структурно-смысловой сущностью любого стихотворения. Формирование подтекстовой информации происходит в результате пересечения экстралингвистической сущности (денотата) и лингвистической сущности (по Моррису десигната). При толковании смысла поэтического текста следует опираться на различного рода коннотации, «которые

привносятся в семантику ситуативным коммуникативным опытом» [13]. В результате формируется «поле значений», выступающее как «абстракция от смыслового поля». Кроме того, коннотации порождаются контекстуальным окружением. И «именно сгущенность этих односторонних коннотаций, их организованность подтекстом отличает художественную речь от исходного языка» [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. М., 1984.
2. Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 418.
3. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. С. 139.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 82.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Художественные тексты // Лингвострановедение и текст. М., 1987.
6. Горгун В. В. Несколько соображений о понятии стиля и задачах стилистики // Проблемы современной филологии. М., 1965.
7. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
8. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. С. 110.
9. Новиков А. Н. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1920. С. 99.
11. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
12. Кожин В. В. Слово как форма образа // Слово и образ: Сб. ст. М., 1964. С. 34.
13. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984. С. 76.
14. Васильева А. Н. Художественная речь. М., 1983. С. 197.

SUMMARY

In the article the role of language units in aesthetic perception of the art text is considered.